

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

На рубеже XX и XXI столетий Россия оказалась в ситуации системного кризиса, охватившего все сферы жизни общества, государства и личности и, как следствие, актуализировавшего проблему поиска инновационных путей и способов выхода из сложившейся критической ситуации. В подобных условиях стало очевидно, что состояние российского общества настоятельно требует качественного обновления функционирующих политических институтов, диктует задачи федеративного переустройства российской государственности, нахождения и формирования качественно иных субъектов социальной связи, существенного изменения сути и характера системы социальной деятельности и отношений, разработки новой модели социального выбора, отвечающей потребностям самоидентификации России как современного сильного и демократического государства.

Традиционно перспективы вывода страны на траекторию последовательного и устойчивого развития связывались с идеей модернизации общества. И это неслучайно. Ведь речь о последней заходит всякий раз, когда общество (независимо от его национальной принадлежности) обнаруживает себя в экстраординарных обстоятельствах, вызванных, например, отставанием по уровню развития от передовых стран и порожденным им нарастанием геополитических угроз.

В современных условиях даже динамично продвигающиеся вперед государства время от времени сталкиваются с проблемой невозможности обеспечения дальнейшего прогресса на основе прежних экономических, социальных и политических механизмов. Вот тогда и возникает потребность в модернизационном рывке. Неудивительно в этой связи, что сегодня понятие модернизации все чаще трактуется в своем расширительном значении: не только как процесс совершенствования по критериям западной цивилизации, процесс, «привязанный» к историческим периодам вызревания предпосылок для промышленной революции, к переходу от традиционного общества к обществу модернити, на постиндустриальную стадию развития, связанную с усвоением наи-

более передовых для данного исторического периода промышленных технологий, экономических форм и сопутствующих им социальных, политических и культурных институтов. Но оно трактуется также и как способность социума к ускоренному самоусовершенствованию, безотносительно того, проходит данный процесс по критериям западной цивилизации или нет, то есть без привязки к внешним стандартам и принятым за образцы странам. И это вполне продуктивно, поскольку в конечном итоге вопрос о технологическом развитии упирается в проблему формирования и существования общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению и использованию технологий, ибо техника и каждый наблюдаемый в истории технологический уклад есть, в основе своей, явления социальные.

Новый виток интереса к модернизации как перспективному средству вывода страны из кризиса связывается с развернувшейся с конца 2009 года по инициативе Президента РФ Д. А. Медведева¹ общественной дискуссией по вопросам модернизации российского социума. К настоящему моменту это понятие вошло и прочно закрепилось в научно-аналитическом лексиконе и публично-политической риторике современной российской власти, сменив на «посту» популярный в среде реформаторской элиты 1990-х годов термин «реформы». Более того, за относительно непродолжительный промежуток времени ему удалось обрести статус главного слова эпохи, суверенного элемента интеллектуального и политического пейзажа современной России, способного, согласно распространенным представлениям, спасти страну, выведя ее к новым историческим рубежам и горизонтам развития.

Несмотря на отсутствие единого подхода к пониманию модернизации, последняя воспринимается сегодня как неизбежная и необходимая. Неизбежная, так как Россия не может оставаться вне общемировых тенденций. Необходимая, поскольку нынешнее состояние страны, в том числе ее политическая система, система власти, равно как и система социально-экономических отношений, до сих пор и во многом исключает возможности продуктивного сотрудничества общества и государства.

Признается и то, что без модернизации (правильно выбранное направление которой может стать существенным и определяющим фактором консолидации общества, жизнеспособности и одновременно основы выживания и преуспевания России в современном мире)

---

¹ *Медведев Д.* Россия, вперед! // Российская газета — Федеральный выпуск. 2009. 11 сент. № 4995 (171).

возможности формирования конкурентоспособного общества, способного выйти на передовые позиции мирового экономического, политического и культурного пространства и обеспечить высокие показатели благосостояния своих граждан, выглядят иллюзорными. Ибо основные ее задачи связываются с созданием политически стабильного правового демократического государства, с высокотехнологичной экономикой и развитой социальной сферой.

Признавая значимость модернизационных процессов, следует, однако, задаться вопросом, готово ли к ним российское общество, в том виде и качестве, в котором оно пребывает сегодня. В какой мере постулаты государственной — одобренной и поддержанной верхами — модели модернизации совместимы с интересами миллионов тех, кто призван реализовывать данную модель на практике? Не является ли российская модернизация экзогенной, обусловленной в большей степени давлением внешних факторов, нежели внутренними потребностями элит, общества и народа? Насколько предлагаемый России модернизационный проект отвечает чаяниям наших сограждан? Кто может стать активным участником, а кто — лишь безучастным свидетелем (а может, и противником) данного процесса?

Иными словами, рассуждать о готовности российского общества к модернизации невозможно без четкого понимания особенностей повседневной жизни и социального самочувствия россиян как основных акторов («движущих сил») обсуждаемых нами изменений.

Особый интерес представляет исследование социального самочувствия населения Юга России как одного из самых сложных регионов, в котором присутствуют такие особенности, как полиэтничность, поликонфессиональность, активные миграционные процессы, неоднородность социально-экономического пространства, различная степень урбанизации субъектов, значительная социально-политическая конфликтность, проявления терроризма и экстремизма, наличие комплекса проблем, связанных с геополитическим и пограничным положением.

Академик РАН
М. К. Горшков

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

1.1. Понятие социального самочувствия и его характеристики

Общечеловеческим критерием социального прогресса в современном мире является степень объективного соответствия существующих социальных условий потребностям и интересам свободно развивающейся личности в изменяющемся пространстве. Степень этого соответствия находит отражение в эмоционально-оценочном состоянии индивидов по отношению к окружающей социальной реальности и своему месту в нем — в состоянии, которое определяется как социальное самочувствие¹. Данное понятие, достаточно распространенное сегодня, отражает значимость и подлинность жизни, воспроизводимой в переживаниях личности, нерасчлененность целостности ее объективного и субъективного мира.

Вербальным аналогом социального самочувствия служат термины «субъективное благополучие» (subjective well-being), «интегральная удовлетворенность жизнью», отражающие знаковость данного феномена в науке и практике.

В современном научном знании аккумулируются комплексные характеристики социального самочувствия, охватывающие разные стороны человеческого бытия, что обуславливает междисциплинарный подход в определении его сущности и трактовке понятия, где выделяются две основные традиции анализа.

Первая традиция, более близкая к обыденному познанию, трактует самочувствие как «состояние физических и душевных сил человека» в целом, акцентируя внимание на экзистенциальном и нравственном аспектах. Истоки и воспроизведение такого понимания находим в гуманитарной науке и классической литературе. Так, в философии

---

¹ См.: *Бгажноков Б.* Социальное самочувствие и проблемы безопасности // Социс. 2004. № 3 (239). С. 9–13.

определены первые образы знания и самопознания как онтологические конструкции. Качество мыслящего интеллекта ставится в прямую зависимость от «гладкости и тонкости» материи атомов (Демокрит), от причастности человека надлунному или земному миру (знание и мнение у Платона)¹. Познание, в котором объект играл более активную и важную роль, чем субъект, просто не могло быть понято как неистинное.

В философии XIX века выделяются два класса психических явлений: «душевные» — связанные с особенными, присущими исключительно человеку переживаниями или побуждениями, и «телесные» — связанные с его психофизиологической организацией². Исследовались противоречия, переживаемые человеком, и возможности их преодоления им самим. А. Н. Радищев писал: «...Бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы. Ужели... природа толико скупа была к своим чадам, что невинно сокрыла истину навеки, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Я человеку нашел утешителя в нем самом. „Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен будешь“»³.

В гуманитарной мысли XVIII—XIX веков находим аналоги понятию социального самочувствия. И. К. Лафатер писал: «Чувство и радость бытия есть цель всего, чего мы искать можем. Мудрый и слабоумный ищут только средств наслаждаться бытием своим или чувствовать его — ищут того, через что они самих себя сильнее ощутить смогут. Всякое чувство и всякий предмет, постигаемый которым-нибудь из наших чувств, суть прибавление нашего самочувствия; чем более самочувствия, тем более блаженства. Мудрый отличается от слабоумного только средствами самочувствования. Чем проще, вездесущее, всенаслаждительнее, постоянное и благодетельнее есть средство или предмет, в котором или через который мы сильнее существуем, тем существеннее мы сами, тем вернее и радостнее бытие наше...»⁴. «Помню, помню это чувство, — гово-

¹ См.: *Шевырев С.* Теория изящных искусств // Московский вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. Часть 1. М., 1827. № 1. (Переизд. СПб., 2000.) С. 4–8.

² См.: *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. Н. Лубченкова. М.: Правда, 1990. С. 7–10.

³ *Радищев А. Н.* Избранные философские сочинения / под общ. ред. и с предисл. И. Я. Щипанова. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. С. 67–89.

⁴ Переписка Карамзина с Лафатером / сообщена доктором Вальдманом Ф., приготовлена к печати Я. Гротом. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1893. (Переизд. СПб.: Петрос, 1996). С. 56.

рил С. П. Шевырев, — оно сладко, неизъяснимо. В душе остается какая-то светлота, полнота; все желания удовлетворены, все чувства яснее; в эту минуту, кажется, все разгадал я... Данное состояние очень трудно описать исчерпывающе и точно; разные авторы используют самые разнообразные термины („счастье“, „экстаз“, „творческое вдохновение“, „чувство выполненного долга“, „эстетическое чувство“ и др.)»¹.

Оценивая такие представления, можно предположить, что и в стилистическом отношении, и по критерию интроспективной определенности для обозначения описанного состояния правильно было бы пользоваться термином «очарованность жизнью» или «блаженство». Последний, в силу своих религиозных ассоциаций, представлялся более предпочтительным. Интенсивный позитивный эмоциональный тон («блаженство») определялся как существеннейшая черта душевных переживаний человека.

В большинстве случаев причина их (переживаний) возникновения усматривалась в сверхчувственном восприятии, благодаря которому постигается целесообразность (целеориентированность) окружающего мира. Но практические рекомендации о необходимости отказа от обычного чувственного опыта ради приобщения к «вечным идеям» носили слишком формальный характер, что не позволяло использовать их в реальной жизни². Тем не менее благодаря философским поискам сущности бытия можно говорить о самочувствии, отражающем рефлексиию человека.

Но важно иметь в виду, что кроме соответствующих феноменологических признаков (положительный эмоциональный тон) существует неочевидная связь с физиологическими потребностями — «размытость локализации». При отсутствии конкретного предмета, который вызывает данное эмоциональное переживание, оно все же связано с определенной ситуацией.

Н. А. Бердяев высказывал парадоксальную мысль: чем более совершенен разум, тем более подвержен он заблуждению³. Перефразируя известный материалистический тезис о природе сознания, можно

---

¹ Шевырев С. Теория изящных искусств // Московский вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. Часть 1. М., 1827. № 1. (Переизд. СПб., 2000). С. 4–8.

² См.: Блок А. А. О назначении поэта // Пушкин: суждения и споры / сост. К. Ковальджи. М.: Моск. рабочий, 1997. С. 23–45.

³ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д: Феникс, 1997.

сказать, что заблуждение — продукт высокоорганизованного мышления. А. Ф. Лосев, исходя из опыта конструирования искусственного интеллекта, пришел к выводу, что чем более сложным и развитым становится разум, чем более сложные задачи ему предстоит решать, тем он должен быть более раскованным и рискованным, рефлексивным, способным к отклонению от проторенной дороги, свободным от навязываемых предпосылок и ограничений¹. Пластичность состояний человека, его способность выдерживать (когда это диктуется необходимостью) большую разницу нагрузок делает его уникальным с позиций зависимостей благополучного самочувствия².

Итак, в философских учениях проводится мысль о противоположности истинно человеческого познания, которое связано с достижением состояния «блаженства», и познания, основанного на иллюзорности телесного бытия, связанного с «бедствиями»; а понятие социального самочувствия в философском смысле, скорее, связывается с душевно-нравственными переживаниями личности.

Обозначение философской позиции изучения социального самочувствия, акцентирующей внимание на экзистенциональном и нравственном состоянии человека, дает выход к определению качеств самочувствия, позволяющих выделить состояния индивида через осмысление своего бытия в социуме, чувственности, нравственных критериев.

Другая традиция анализа социального самочувствия, рассматривающая его как систему субъективных ощущений, свидетельствующих о той или иной степени физиологической и психологической комфортности, включает в себя общую качественную характеристику (позитивное, негативное самочувствие) и частные переживания, различно локализованные (дискомфорт, затруднения при выполнении действий, трудности понимания). Такое рассмотрение социального самочувствия созвучно понятиям, используемым в медицине и психологии.

Самочувствие в расширенном понимании соотносится со здоровьем, которое в медицине и здравоохранении определяется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов³. Здоровье человека — это континуум (сменяемость и протяженность во времени)

---

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963. С. 457.

² См.: Касавин И. Т. Заблуждающийся разум? М. : Политиздат, 1990.

³ См.: Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Всемирная организация здравоохранения. Основные документы : пер. с англ. 39-е изд. М. : Медицина, 1995. С. 7.

естественных состояний жизнедеятельности. Данные состояния характеризуются способностью организма к совершенной саморегуляции, поддержанию гомеостаза, самосохранению и самосовершенствованию соматического и психического статуса при оптимальном взаимодействии органов и систем, адекватном приспособлении к изменяющейся окружающей среде (физической, биологической, социальной), использовании резервных и компенсаторных механизмов в соответствии с фенотипическими потребностями и возможностями выполнения биологических и социальных функций, в том числе рождения и воспитания потомства.

Отсутствие какого-либо из перечисленных признаков означает полную или частичную утрату здоровья. Полная утрата здоровья несовместима с жизнью¹.

При рассмотрении категорий «здоровье» с позиций его аналогии социальному самочувствию (позитивное самочувствие) и «болезнь» (негативное самочувствие) следует учитывать, что абсолютная болезнь и абсолютное здоровье немыслимы; между ними существует бесконечное множество форм связей и взаимных переходов. Это может соотноситься с пограничным самочувствием. Оценочные критерии здоровья и позитивного самочувствия следует искать не в соответствии патологии и норме, а в способности индивида осуществлять биологические и социальные функции².

Исходя из приведенного анализа, можно предположить, что самочувствие физическое и социальное имеет сходную природу, связанную с отношением личности к болезни или социальной проблеме. Такая оценка затрагивает аспекты социального самочувствия, которые отражаются в психологии. Стержневым образованием личности здесь определяется самооценка. Человек реализует себя в обществе только в том случае, если он имеет достаточный уровень психической энергии, определяющей его самооценку, способность действовать, достаточную пластичность, гармоничность психики, позволяющую адаптироваться к новым условиям, достигать устойчивости и стабильности³.

Факторы динамики и стабильности личности имеют прямое отношение к оценке социального самочувствия, под которым с точки

---

¹ См.: Колбанов В. В. Валеология. СПб., 2000. С. 115.

² См.: Апанасенко Г. Л., Попова Л. А. Медицинская валеология. Ростов н/Д : Феникс ; Киев : Здоровье, 2005. С. 28.

³ См.: Автоматический конформизм // История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1986. С. 172–185.

зрения психологии понимается система субъективных ощущений, свидетельствующих о той или иной степени физиологической и психологической комфортности¹. Социальное самочувствие выступает синдромом сознания, отражающим отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемым содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворенности смысловых потребностей (удовлетворенность реализованностью жизненной стратегии). Это касается различных областей жизнедеятельности субъекта — профессиональной, образовательной, семейной, досуговой и общения².

Три фактора стабильности и динамики личности, которые можно соотнести с позитивным самочувствием: чувство общности, чувство неполноценности, стремление к самозначимости — постулировались в теории личности А. Адлера, считавшего, что если усиливается чувство неполноценности, то повышается стремление к самозначимости и понижается чувство общности; если усиливается стремление к самозначимости, то понижается чувство общности; и если, наконец, усиливается чувство общности, то понижается чувство неполноценности³.

В данном положении достаточно ясно усматривается зависимость социального самочувствия от включенности субъекта в социальную жизнь, интегрированности в нее. Локализация социального самочувствия выделяет так называемый внешний локус-контроль, при котором люди видят источник своих переживаний в социальном окружении, в том, как воздействуют на них другие люди и общество в целом.

В соотношении личности себя с социумом проявляется социологический аспект понятия социального самочувствия. Несмотря на то что социальное самочувствие как обобщенная характеристика личности, имеющая субъективный эмоциональный характер, трудно поддается социологическому анализу, в научной литературе представлены его некоторые параметры.

Достаточно прочно утвердилась детерминационная линия в исследовании социального самочувствия, уходящая корнями в классическую социологию, в исследование последствий негативного состояния индивидов и образующих ими общностей. Э. Дюркгейм и другие социоло-

---

¹ См.: *Алиев Х. М.* Ключ к себе: этюды о саморегуляции. М., 1990. С. 178.

² *Петрова Л. Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социс. 2000. № 12. С. 50–55.

³ См.: *Бундулс Я.* Индивидуальная психология Альфреда Адлера // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 133–139.

логи считали, что иногда негативное мироощущение распространяется на широкие слои населения и это порождает аномию — неоправданное ослабление и рассогласование ценностей и норм, социальную апатию и тревожность. К крайним проявлениям и последствиям аномии относят обычно суицидогенные импульсы и суицид. Но, видимо, следует включить сюда и наиболее жестокие, бессмысленные формы насилия, а также некоторые другие проявления аномии, в наименьшей степени расшатывающие устои общественной жизни. Например, разделение труда, при котором рабочие места распределяются не по способностям, а по другим, иррациональным, с экономической точки зрения, соображениям¹.

Выделяются факторы, которые могут рассматриваться как причины негативного самочувствия, или социального беспокойства (Г. Блумер), для которого являются характерными, с одной стороны, смутные предчувствия и страхи, растерянность и неуверенность, внушаемость и апатичность, а с другой — агрессивность и повышенная раздражительность, носящая часто суетливый, беспорядочный характер. Это состояния, близкие к панике, возникающие в условиях, когда социальная среда действует на человека угнетающе, порождая уныние, страх, безысходность². Обозначенная связь социального и эмоционального в контексте социального беспокойства позволяет судить о негативном аспекте состояния социального самочувствия, его дезинтеграционной роли.

Позитивные стороны социального самочувствия анализируются в плоскости представлений о положительных эмоциях, детерминруемых удовлетворенностью различными аспектами жизни, в том числе уровнем доходов, работой, семьей, здоровьем, досугом и т. д. В конечном итоге, все зависит от баланса позитивных и негативных впечатлений, получаемых от жизни, — отмечает М. Аргайл³. Именно такой баланс дает основание для выделения показателя степени социальной устойчивости, выраженной в социальном самочувствии, зависящем от субъективного восприятия человеком уровня своего материального положения (Ж. Т. Тощенко)⁴.

---

¹ См.: Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология : в 3 т. Т. 2 : Социальная структура и социальная стратификация. М. : Инфра-М, 2000. С. 477–483.

² См.: Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска // Thesis: риск, неопределенность, случайность. 1998. Вып. 5. С. 217–236.

³ Аргайла М. Психология счастья. М., 1997. С. 203–234.

⁴ Тощенко Ж. Т. Богатство и бедность в представлении россиян // Социс. 2004. № 4. С. 16–22.

Анализ социального самочувствия, вызванного состоянием социального окружения и субъективно интерпретируемого теми или иными субъектами в той или иной ситуации, позволяет сделать шаг к осмыслению его структуры, факторов, результатов и других характеристик.

Социальное самочувствие может типизироваться в зависимости от степени удовлетворенности личности материально-экономическими, социальными, социально-психологическими, социокультурными условиями существования как позитивное, пограничное и негативное, отражающее степень выраженности чувств, оценок эмоционального и физического состояния.

Позитивный тип социального самочувствия отражает удовлетворенность индивидов, групп своим положением в социуме и обладает следующими характеристиками: 1) позитивный эмоциональный тон; уверенность в себе, стабильно позитивное восприятие действительности; устойчивая совокупность ценностных ориентаций; чувство общности; стремление к самозначимости, самосовершенствованию; 2) стабильность связей и отношений; устраивающий индивида социальный статус; положительная социальная ориентация личности; 3) стабильная положительная самооценка; удовлетворительное (близкое к отличному) состояние физического здоровья; 3) наращивание уровня материального благосостояния; предприимчивость; повышенная активность, самостоятельность в решении своих проблем.

Негативный тип социального самочувствия определяется неудовлетворенностью своим положением, отражает низкую степень интеграции и обладает следующими характеристиками: 1) неуверенность, растерянность, негативный эмоциональный тон; кризис нравственных ценностей; кризис нравственных ориентиров личности; низкая самооценка; отсутствие стремления к самозначимости; 2) снижение социального статуса, признаки социальной изоляции и депривации, социальная апатия, маргинализация; 3) тревожность, внушаемость, агрессивность, приоритет негативных настроений, ухудшение физического состояния; 4) отсутствие стабильности (роста) материального состояния; частичная или полная потеря интереса к своему материальному положению; снижение активности, несамостоятельность в решении своих проблем.

Пограничный тип социального самочувствия отражает состояние неопределенности, соответствует среднему уровню интеграции и таким характеристикам, как: 1) размытость локализации; неустойчивый эмоциональный тон; в социальном отношении — отсутствие интереса